

Кудрявцева Раисия Алексеевна

**ЖЕНСКАЯ ЛИЧНОСТЬ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОСТРАНСТВЕ МАРИЙСКОГО РАССКАЗА
КОНЦА XX ВЕКА**

Цель данной статьи - на материале рассказа Г. Алексева "День рождения" выявить особенности художественного исследования женской личности в марийской литературе конца XX века. В статье через анализ восприятия женщиной внешнего и внутреннего пространства рассматривается трансформация традиционных этногендерных ролей и стереотипов в современном обществе.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/4-1/27.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 4(46): в 2-х ч. Ч. 1. С. 91-94. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/4-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 821.511.151

Филологические науки

Цель данной статьи – на материале рассказа Г. Алексева «День рождения» выявить особенности художественного исследования женской личности в марийской литературе конца XX века. В статье через анализ восприятия женщиной внешнего и внутреннего пространства рассматривается трансформация традиционных этногендерных ролей и стереотипов в современном обществе.

Ключевые слова и фразы: марийская литература; рассказ; женский персонаж; гендерная специфика; этногендерный стереотип; художественное пространство.

Кудрявцева Раисия Алексеевна, д. филол. н., профессор
Марийский государственный университет
kudsebs@rambler.ru

**ЖЕНСКАЯ ЛИЧНОСТЬ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОСТРАНСТВЕ
МАРИЙСКОГО РАССКАЗА КОНЦА XX ВЕКА**

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 14-04-00043.

Пространство бытования женщины в марийском рассказе конца XX века имеет следующую структуру: 1) внешнее пространство – социальная (художественный, слепок социума) и бытовая (домашняя обстановка, семья, дети) среда; 2) внутреннее пространство – психологическая среда (человек в самом себе, внутреннее, я). Оценка женским персонажем окружающего мира и саморефлексия составляют психологическую линию сюжета и придают драматическую глубину характерам персонажей и повествованию, в целом. По женскому восприятию пространства можно судить о динамике гендерных и этногендерных ролей и стереотипов в обществе, а также об изменении алгоритма художественного их осмысления в марийской прозе конца XX века.

Цель данной статьи – на материале рассказа Г. Алексева «День рождения» (Шочмо кече) [1] выявить особенности художественного исследования женской личности в марийской литературе конца XX века. В статье через анализ восприятия женщиной внешнего и внутреннего пространства рассматривается трансформация традиционных гендерных, в том числе этногендерных, ролей и стереотипов.

Ставя проблему гендерной репрезентации этнической идентичности марий, Н. Н. Глухова указывает на возможность использования при изучении гендера литературных жанров: «Анализ ранжированных образов, символов, ценностей с учетом гендерного аспекта покажет соотношение гендерных ролей, норм и стереотипов в марийском социуме, т.е. составляющих компонентов гендерной структуры идентичности, получивших отражение в фольклорных и литературных жанрах» [2, с. 58]. Однако на практике такое исследование еще не предпринималось. Таким образом, предпринятый нами анализ гендерной специфики восприятия пространства на материале марийской литературы в региональной и отечественной филологической науке осуществляется впервые.

Особенность и мужской, и женской марийской прозы конца XX века – это внимание к гендерной динамике мира: традиционный, маскулинистский мир сменяется новым женским миром – открытым, интуитивным, отчасти игровым, импровизационным. Меняются гендерные роли и стереотипы, меняется сама психология женщины, ее восприятие внешнего и внутреннего пространства.

Для выявления изменений в гендерной структуре образного мира марийской прозы и специфики женской личности в ней обратимся к рассказу Г. Алексева «День рождения» Геннадия Алексева, творчество которого в конце XX века было ознаменовано глубоким психологизмом, пристальным вниманием к проблеме взаимоотношений между мужчиной и женщиной и глубокими размышлениями о любви и человеческом счастье.

В рассказе «День рождения» – три женских персонажа: два главных, сюжетобразующих (Марина и ее мать Марпа) и один эпизодический – образ жены слесаря Сергея (важен для понимания гендерных взглядов Марины). Образы матери и дочери, безусловно, значимы и в концептуальном плане. Рассказ построен как психологический разлад между дочерью и матерью. Мать, искренне желает помочь своей дочери на трудном этапе ее жизни (после развода с мужем) и упрекает ее за грубость, обижается на невнимание к себе. Дочь, переживающая свой неудачный брак, ушедшая с головой в себя и в работу, забывает о дне рождения матери и самостоятельно не вспоминает о нем даже при намеках матери (это ключевой эпизод нарративной истории). В конце рассказа она извиняется и проникается жалостью к матери. Но обстоятельства все равно берут верх, и дочь не придет домой раньше, как обещала, чтоб разделить праздник матери. Они оба осознают эту реальность, что передается автором через параллельно текущие внутренние речи: матери, провожающей дочь на работу, и дочери, ловащей прощальный взгляд своей матери. Суть их одна и та же: «Не придет... Сказала, что придет пораньше, не придет... Не сможет... Скорей всего, не сможет...» – думает мать. «Не смогу ведь, – на бегу размышляет дочь. – И зачем обнадежила? – Чуть приостановилась, посмотрела в сторону четвертого этажа. В окне увидела мать. – Вечером на заводе – собрание, сколько оно продлится? А потом... Ее подруга Аня – в больнице. Нельзя не зайти. <...> Она тоже ждет, больная ведь...

Крикнуть матери – все равно не услышит. Да и некрасиво. Вернуться домой, чтобы сказать – опоздает на планерку! [1, с. 57]. Автор сопереживает обеим героиням, ибо они обе в драматическом положении (жертвы обстоятельств), но более всего он сопереживает одинокой (при живой дочери) и страдающей матери.

Между тем содержательное значение концовки, как собственно, всего текста в целом, на наш взгляд, не ограничивается нравственно-этической проблематикой. Рассказ может быть прочитан не только как изображение драматических взаимоотношений родителей и детей, но и как исследование женских характеров в аспекте их гендерных представлений – последнее легко открывается через анализ художественного пространства рассказа и места в нем женских персонажей.

Составляющие пространства Марины: проклятый будильник, разбудивший ее и прервавший ее сон (Каргмы будильник!) – как внешняя реальность (ему соответствует внутреннее пространство, выражаемое психологическими деталями, тело содрогнулось и так тяжело стало в душе); красивая, радующаяся и ласкающая душу природа, которая сродни красивой и счастливой молодой паре, – как пространство сна; контрастирующее со сном пространство домашнего интерьера (потолок, четыре стены, зеркало) и нераспространенная психологическая его составляющая (Настроение испортилось..., саморефлексия (Из зеркала смотрела на нее сонная женщина. Лицо стало тускнеть, от уголков глаз, как солнечные лучи, пошли морщины [Там же, с. 49]); первый круг пространства в жизненной ретроспективе (детство – Все у нее было: и одежда, и еда...» [Там же, с. 51], школа, институт), представленный глазами матери и фиксирующий хорошее воспитание дочери и противоположный результат (неудачный брак); завод, с его квартальным планом, прогульщиком Сиситкиным, профсоюзным собранием, – в восприятии и оценке Марины (семантика внутреннего пространства: беспокойство Марины за судьбу завода); второй круг пространства в жизненной перспективе – в восприятии Марины, открывающей для себя истинное лицо мужа и причины развода (любвные свидания на улице, попытки привести жениха в дом-барак, разочарование в любви и женихах, заикливых на квартире, дорогой мебели и деньгах, библиотека, книги, заводская жизнь, столовая, где познакомилась со своим мужем, дом, в который привела своего мужа, деньги и машина как смысл жизни мужа); социум (работа, сослуживцы, подруга) как необходимость и одновременно как некое спасение от внутренних проблем.

Внешнее и внутреннее пространство матери: кухня (Со стороны кухни идет нежно-вкусный запах [Там же, с. 48]), испеченные утром пирожки; городская квартира, называемая ею, каменной коробкой (И зачем ты меня тогда привезла в эту каменную коробку? Как-нибудь, но прожила бы я свой остаток жизни в нашем старом доме... [Там же, с. 49]); антитеза современной парфюмерии и естественного пространства любви в рассуждениях матери; шкаф, пакет для пирожков; урбанистическая деталь, дверь свою закрывают двумя-тремя замками как выражение реакции матери на индивидуальную доминанту городского существования (На прежнем месте жительства все соседи были знакомыми. А здесь... Ни к кому не зайдешь, дверь свою закрывают двумя-тремя замками, – тяжело вздохнула мать» [Там же, с. 56]); ограниченное пространство, которое сродни одиночеству и непониманию (Мать опять осталась в квартире одна» [Там же, с. 57]; Мать продолжала стоять у окна [Там же]).

Представляя параллельные ряды внутренних состояний дочери и матери, их пространство мыслей и переживаний, автор многократно и открыто подчеркивает их разнородность: У каждого в голове – свои мысли, свои тревоги [Там же, с. 51]; А у Марины свои тревоги, свои беды [Там же]; У Марины в голове другая буря, другая тревога [Там же, с. 53].

Топические структурные составляющие ключевых женских образов ограничены коротким основным фабульным временем (утро), расширяющимся только за счет сна и нарративных фигур (ретроспекций в центральной части нарративной истории и забегания вперед» в ее финале). Женские личности представлены в топическом пространстве, в котором происходит нарративная трансформация» и в котором они переживают изменение состояния» [5, с. 186]. Для Марины изменение состояния – это решительный отказ от этногендерного стереотипа, для ее матери – попытка примирить гендерную традицию и современную ситуацию (с этим связано обращение Г. Алексеева к ретроспективному дискурсу и рефлексии героиней собственной семейной жизни). Авторское противопоставление внешнего и внутреннего пространства этих героев направлено на изображение качественно нового состояния гендерной иерархии в современном обществе и семье. Нарративная история выявляет квалификацию героинь: мать предстает в значительной мере как воплощение архетипа (патриархального сознания), а дочь – его отрицание.

Патриархальная традиция восприятия женщины, заложенная в религиях, связана с идеей безраздельного доминирования мужчин в публичной и духовной сферах, ограничения активности женщин в жизни, предполагает разные права и возможности мужчин и женщин [3]. Иерархия во главе с мужчиной сменяется новой иерархией, в которой доминантное положение принадлежит женщине, происходит опровержение патриархальной системы [4, с. 177] – такое состояние гендера отмечено многими исследователями как характерное явление всей мировой литературы рубежа XX-XXI веков. При этом в первую очередь отмечается снижение авторитета мужчины, расширение пространства бытования женщины. Важнейшим компонентом внешнего пространства марийской женщины конца XX века становится общество, а внутреннего – собственная индивидуальность. Это – паратопическое пространство квалифицирующего испытания [5, с. 127]; оно позволяет выявить суть современной женщины и процесс его самоутверждения в обществе в противоборстве с мужской, оформлением отношения к нему и самой себе. Через образ Марины в рассказе День рождения представлено обретение женщиной себя как личности – социальной, профессиональной. Героиня самореализуется в обществе: она успешна в работе, она обеспокоена ею, коллективом, воспитывает мужчину, не справляющегося

достойно с социальной ролью ответственного работника (последнее обуславливает необходимость введения в рассказ истории с Сергеем Сиситкиным, пьяницей и прогульщиком, осуждаемым Мариной).

Мать Марины в данном контексте архетипична, ни внешне, ни внутренне она не привязана к общественному пространству. Все ее потуги в отношении дочери – это напоминание ей о гендерном стереотипе: . Не только жить одной работой, но и о своей жизни надо подумать [1, с. 50]; . У тебя много работы, все время стараешься для других, а о себе подумать у тебя совершенно нет времени... [Там же, с. 56]. . О себе подумать в контексте рассуждений матери – это не призыв к личностной самореализации, а всего лишь стремление ограничить жизнь дочери узким пространством семейного быта.

Далее рассмотрим образы женских персонажей в семейно-бытовом пространстве и в семейно-ценностной иерархии (это наиболее архаичное и этнозначимое пространство, в котором у многих народов более всего выражены гендерные роли и стереотипы), а также в пространстве любви.

В глазах матери главная ценность для женщины – это семья со всеми формальными ее показателями: . Женщине нельзя быть одной. Нам надо быть, дочка, рядом с мужем и детьми [Там же, с. 50]. . Ни семьи, ни детей... [Там же] – такая ситуация противоречит ее представлениям о женщине, такое положение ее дочери вызывает у матери болезненную тревогу. Ее собственная семья была создана на любви, но в муже она видела, прежде всего, хозяина семьи и рода (. Не зря говорят, что дом без мужчины, словно телега без лошадей [Там же, с. 51]). Если бы ее дочь росла рядом с отцом (отец погиб на войне до того, как она родилась), размышляет мать, то и судьба Марины сложилась бы более счастливо.

Ради сохранения семьи и авторитета мужчины, по мнению матери, женщина должна быть терпимой, готовой к смиренному уважению мужа, к минимуму претензий к нему, должна уметь понимать и ценить его достоинства. Мысленно обращаясь к дочери, она размышляет: . Ведь каким был твой Колюш... Как золото. Другая бы, словно сера, прилипла бы к нему, а ты... Сама прогнала [Там же, с. 50]. Только в контексте архаичского сознания читателю понятен вывод матери о вине дочери, а не только мужа в несостоятельности ее семьи.

В пространстве семьи большая ответственность за ее сохранение, в представлении матери, лежит на женщине. Именно этногендерной спецификой определяется и такое суждение матери: . Сама так жила, видимо, и дочери суждена такая жизнь [Там же, с. 51]. Саморефлексия по поводу неудач дочери – это утверждение некой генетической связи между судьбой матери и судьбой дочери, фатальной ответственности матери за дочь. Одновременно контроль матери над дочерью, усилившийся в отсутствии мужа-хозяина-отца и воспринимаемый Мариной как излишняя назойливость и покушение на ее личную свободу, есть не что иное, как , гендерная асимметрия (фаллоцентризм) [4, с. 177]. Она характеризует не архаическую, а современную гендерность, то есть в матери Марины запечатлены также и некоторые черты новых гендерных ролей.

Марина – противоположность матери, ее тяготит бытовое пространство. Видя это, мать упрекает свою дочь: . С рассветом уходишь и возвращаешься только ночью [1, с. 49]. Развод и несостоявшаяся семья для ее дочери не только источник саморефлексии, но и стимул для поиска себя и новых возможностей личностной самореализации. Автор подчеркивает в образе современной женщины умение компенсировать отсутствие семьи и любви жизнью в обществе – работой, единением с другими. Такой отказ от гендерного стереотипа, представленный в произведении автора-мужчины без резкой негативной коннотации, осмыслен им как поиск женщиной человеческого единения, основанного на таких ценностных началах, как любовь и понимание, уважение и личностная свобода.

Через бытовое пространство и саморефлексию героиня представлено и их понимание эталона мужа. На протяжении всего повествования мать Марины многократно повторяет мысль о том, что у женщины обязательно должен быть муж. Такое повторение наталкивает на мысль о том, что в контексте прав и личностных ориентиров женщины традиция не предусматривала широкого круга требований к мужу. . Муж работает. Не пьет, не курит... Что еще нужно? Жить да жить, но... [Там же, с. 54], – так мысленно мать обращается к дочери. Раннее вдовство усилило в ней дорогую для нее мысль просто о необходимом присутствии в доме мужа. Заботливое и трогательное отношение, которое было к ней со стороны мужа, она оценивает не как , эталонное явление, а просто как факт собственного везения и неожиданное счастье. В этом контексте понятно, почему в рассуждениях матери о мужчинах преобладают положительные оценки: , как золотой (о бывшем муже Марины), . Посмотрит на тебя так нежно, улыбнется приветливо – сразу растаешь [Там же, с. 53] (о собственном муже). Такие оценки усиливаются деталями из воспоминаний матери о своем муже; в ее характеристике мужа доминируют сила (. несмотря на узкие плечи, был сильным [Там же]) и внутренняя красота, противопоставляемая ею внешней (. А ведь влюбил в себя, притянул к себе не красивым лицом, мужчине это ни к чему, а красотой души [Там же]), и понимаемая, главным образом, как скромность и искренность (. А еще был очень стеснительным. Что-нибудь скажешь необычное – краснел, как девушка [Там же]).

У Марины понимание эталона мужа и женского счастья более объемное, что обозначается уже в начале произведения. Для Марины, как представляется ей во сне, муж – равный ей во всем: . Такой же молодой, красивый, сильный [Там же, с. 48]. . Такой же» – указание на равенство мужчины и женщины, на право женщины на это равенство. Счастье женщины во многом зависит от таких качеств мужа, как готовность на исключительное понимание, умение и желание быть рядом, . сливаться» с ней в счастье, жить с открытыми друг для друга мыслями и чувствами. Такая идеальная установка представлена в концовке сна: . А они, такие счастливые, шли, прижимаясь друг к другу. Нет, они летели. Летели в этом цветущем мире легко и нежно, словно бабочки. Вставало утреннее солнце, заливая горизонт красной, как ягода, краской. Весь мир играл от радости [Там же]. Этот идеал мужчины в самой нарративной истории становится точкой отсчета в ретроспективном взгляде Марины на ее

семейное пространство и бывшего мужа Николая. Они не соответствовали ее пониманию эталона мужа, семейных отношений и счастья: муж замкнут в себе, равнодушен к происходящим в семье событиям, не радует жену, не разделяет ее радостей, прагматичен и жаден. Желая накопить на машину, экономит на всем, ограничивает во всем жену; чтобы ограничить лишние траты, сам ходит в магазин за продуктами. При внешней демонстрации силы, поведение Николая – это потеря традиционной маскулинности. В рассказе есть детали, которые свидетельствовали о том, что он был похож на ребенка, прятавшегося за женщинами (женой и ее матерью) от мира, в котором он многого хотел, но на самом деле был в нем абсолютно беспомощен (закомплексован из-за отсутствия своей квартиры, денег, боялся заводить детей, не пренебрегал пенсией тещи).

Потеря маскулинности (силы) представлена и в истории семьи Сергея, сослуживца Марины. Он безнадежно пьет, потому перестает быть сильным хозяином семьи, хотя и остается главным ее добытчиком. Свидетельством разрушения архетипа семьи является и атрофированная трансформация традиционного женского образа. Жена Сергея, с одной стороны, сохраняет в себе роль хранительницы домашнего семейного очага, но ее отношение к мужу далеко не эталонной. В этом смысле она противоположна матери Марины: здесь нет авторитета мужа, есть холодный прагматизм (героиню не волнует то, что муж пьет, портит свое здоровье, прогуливает работу и подводит коллектив; главное – зарабатывать деньги), который не требует человеческого отношения к нему, достаточно имитации заботы. В этой семье нет понятия , любви. Ее заменяет некая сложившаяся система гендерных ролей, среди которых и внешнее проявление заботы жены по отношению к пьяному мужу: , Мой Сергуш прилег спать, сказала. Жалко будить! [Там же, с. 52]; , А он никогда с похмелья не идет на работу, да и я его не отпускаю. Может пораниться, покалечить себя! [Там же]. Марина не понимает их и заключает про себя после разговора с женой Сергея: , И так все ясно: жене нужен муж, зарабатывающий деньги. Не думает о здоровье мужа и вреде алкоголя. Что им честь коллектива? Лишь бы дом был имуществом полон...! [Там же].

Для Марины любовь – это возможность личностной, эмоциональной самореализации, это условие счастья. Этногендерный стереотип в поведении марийской женщины в любовных отношениях – это сдержанность в чувствах. В этом отношении традиционным является образ матери Марины. Что касается Марины, то она открыта в выражении своих эмоций, оценок – не только во сне, но и в реальности. Ключевой нарративной стратегией данного образа становятся ожидание, поиск, ошибка, испытание, проверка. Если мать, вспоминая себя, говорит о любви одной и навсегда, то дочь выступает за взаимопонимание, уважение к интересам женщины и счастье. Поэтому Марина так быстро гасит семейный конфликт, смело и окончательно порывает с не понимающим и не уважающим себя мужем, с унижением, несвободой и гендерной , неразберихой: , Без лишнего шума, как сошлись, так и разошлись! [Там же, с. 55]. Мать непонятна такая короткая любовь: , Все у них легкое и тонкое. Подует небольшой ветерок – все рвется, улечивается. Сегодня любят – завтра уже расходятся» [Там же, с. 52]; , Наша-то любовь была более крепкая, более надежная» [Там же].

Итак, аналитическое рассмотрение женских персонажей в рассказе Г. Алексева , День рожденья в социальном, семейно-бытовом, в том числе, любовном и психологическом художественных пространствах позволяет сделать вывод о том, что в марийской прозе конца XX века запечатлен процесс активной трансформации гендерных стереотипов и этногендерных ролей в современном обществе. В центре внимания Г. Алексева – разрушение архетипической концепции и структуры женской личности, которое раскрывается на основе сопряжения традиционного и современного образа марийской женщины.

Список литературы

1. **Алексеев Г. В.** Шочмо кече // Алексеев Г. В. Ёшаным ўжара конда: повесть да ойлмаш-влак. Йошкар-Ола: Мар. кн. савыктыш, 1994. С. 48-57.
2. **Глухова Н. Н.** Гендерная репрезентация этнической идентичности мари: к постановке проблемы // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 7 (45). Ч. 2. С. 57-59.
3. **Кругликова Г. Г., Хлевнова А. В.** Гендерная роль женщины в семье: Проблемы культуры гендерных взаимоотношений [Электронный ресурс] // Грани познания: электронный научно-образовательный журнал ВГПУ. 2009. № 3 (4). URL: http://grani.vspu.ru/files/publics/93_st.pdf (дата обращения: 10.01.2015).
4. **Кучумова Г. В.** Гендерные координаты австрийского романа 1980-2000 гг. // Гендерная проблематика в современной литературе: сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН; отв. ред. и сост. Н. Т. Пахсарьян. М., 2010. С. 175-183.
5. **Мартин Б., Рингхэм Ф.** Словарь семиотики / пер. с англ. М.: Книжный дом , ЛИБРОКОМ, 2010. 256 с.

WOMAN'S PERSONALITY IN LITERARY SPACE OF THE MARI STORY OF THE END OF THE XX CENTURY

Kudryavtseva Raisiya Alekseevna, Doctor in Philology, Professor
Mari State University
kudsebs@rambler.ru

The purpose of this article is to reveal the features of a literary research of woman's personality in the Mari literature of the end of the XX century by the material of the story "Birthday" by G. Alekseev. The article through the analysis of woman's perception of the outer and inner space considers the transformation of traditional ethno-gender roles and stereotypes in modern society.

Key words and phrases: the Mari literature; story; female character; gender-oriented specificity; ethno-gender stereotype; literary space.